

© 1993 г. КЛИМОВ Г.А.

ЕЩЕ ОДНО СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРЕБЫВАНИЯ АРИЙЦЕВ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Постановка в повестку дня исследования проблемы переднеазиатских (месопотамских) арийцев открыла новую страницу не только в этнической истории Ближнего Востока, но и весьма плодотворно сказалась в нескольких других отношениях. К настоящему времени эта проблема располагает уже немалой традицией изучения, доминирующая роль в которой несомненно принадлежит ее лингвистическому аспекту. Действительно, наиболее достоверные свидетельства своего существования оставлены этим этносом в ряде языковых источников, сообщивших, в частности, очередной стимул развитию индоевропеистики (ср. [1—3] и др.).

Как известно, реликты архаического индоарийского языка обнаружены главным образом в различных источниках, имеющих прямое или косвенное отношение к истории хурритского государства Митанни, существовавшего в середине II тыс. до н.э. Эти реликты прослеживаются в тронных именах митаннийских царей XV—XIV вв. до н.э., в династических именах владетелей северносирийских и палестинских городов-государств, в именах хурритских божеств, зафиксированных в ряде документов эпохи. Некоторую опору предоставляет в этом плане и хеттский материал (ср. широко обсуждавшуюся в недавнем прошлом коневодческую терминологию в гиппологическом трактате Киккули, предполагаемые лексические заимствования из арийского в хеттском), а также такие источники, как аккадские тексты из Нузы, касситская ономастика, отражающая касситско-арийские контакты, восходящие, как полагают, в эпоху до XVII в. до н.э., и некот. др.

В силу очевидного разнообразия языковых свидетельств уже на раннем этапе исследования проблематики сложилось впечатление о значительной роли, которую играл арийский этнос в древней Передней Азии вплоть до его ассимиляции соседними племенами. С дальнейшим прогрессом исследования идея о существовании переднеазиатской ветви арийцев получила достаточно убедительное обоснование, а обращенная в ее адрес критика была по существу направлена лишь против преувеличения значимости этой ветви в исторических судьбах ближневосточного региона.

Последовавшие работы показали, что круг вовлеченного в исследование материала может быть расширен за счет поисков свидетельств об этом этносе и в других источниках, и в частности в современных языках народов, в той или иной степени способных отражать лингвистический ландшафт древней Передней Азии. В этой связи следует упомянуть, что в некоторых арменистических публикациях уже с начала 30-х годов указывалось на отдельные лексические параллелизмы между армянским языком и древнеиндийским, которые должны быть обязаны не единому для них индоевропейскому наследию, а вероятным — возможно, опосредованным — контактам протоармян и арийцев. Так, например, Г.А. Капанцян полагал, что такие армянские лексемы, как *arev* "солнце", *inz* "барс", *margin* "тело" и др. "заимствованы у древнемалоазийских индийских племен, у которых многое переняли и хурро-митанийцы... и даже хетты" [4, с. 32]. Несколько

позднее В. Порциг, показав, что некоторые характерные элементы древнеиндийской религиозной поэзии замещают в армянском общеиндоевропейское наследие, пришел к выводу, что "общие особенности арийского и армянского языков не являются показателями индоевропейской диалектной общности, как это было с общими особенностями греческого и армянского языков, а отражают такое время, когда предки армян... на некоторое время оказались под влиянием складывавшейся ведийской культуры" [5, с. 238—241].

В этом контексте естественно возникла мысль о возможности обнаружения аналогичных отложений и в картвельских языках. Основываясь, как можно видеть, преимущественно на некоторых экстралингвистических данных, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов полагают, что "еще в конце IV и начале III тысячелетий до н.э. южнее Кавказа, в пределах первоначальной территории обитания индоевропейских племен, были распространены различные арийские диалекты, один из которых документально зафиксирован в митаннийском арийском в середине II тысячелетия до н.э. Носители этих диалектов, оснащенные колесницами и лошадьми, могли совершать дальние переходы как в восточном направлении, что привело определенную часть их в Афганистан и историческую Индию, так и в западном (митаннийские арийцы), северном и южном направлениях. Северное направление таких переходов и могло привести определенные арийские племена через Закавказье на Северный Кавказ. Следы подобных передвижений индоевропейских племен на Северный Кавказ можно проследить и археологически" [6, с. 917]. Согласно другому высказыванию авторов, следы "передвижений носителей древних индоевропейских диалектов, и в частности, индоарийского, на территории Закавказья и Северного Кавказа можно было бы видеть в наличии целого ряда слов в кавказских языках" [6, с. 919], в подтверждение чего ими приводятся такие картвельские лексемы, как *ašia*- "лошадка" и *parto*- "широкий". Аналогичные соображения высказывались и в некоторых других работах. Так, Е.Г. Хачатурова писала, что "экстралингвистические данные позволяют говорить с наличием контактов отдельных индоарийских языков с картвельскими во II тысячелетии до н.э. Одним из контактирующих языков мог быть и митаннийский арийский" [7, с. 103].

В настоящее время имеется, как представляется, возможность поставить эту гипотезу на реальную лингвистическую почву обращением к несколько более широкому материалу, отражающему древние картвельско-арийские контакты, которые могли иметь место в первой половине II тыс. до н.э. где-то в полосе к югу от картвельской языковой области. Должно быть естественным, что накопленные наукой соответствующие материальные параллелизмы скорее всего следует приписывать соприкосновению картвелов с той ветвью арийцев, которую принято называть переднеазиатской, или месопотамской.

Фактическая база настоящей заметки отложилась как составная часть работы автора, посвященной изучению более широкой проблематики древнейших картвельских индоевропеизмов. Совокупность последних, удостоверяющих соответствующие ареальные контакты в прошлом, в большинстве случаев не позволяет усматривать их antecedents преимущественно в какой-либо определенной ветви индоевропейских языков (замечим, в частности, что накопленный в науке материал подтверждает высказанное еще в середине 60-х годов мнение Г.В. Церетели, согласно которому в картвельских языках существует слой индоевропеизмов, обнаруживающих в своем вокализме более архаичную ступень развития сравнительно с протоиндоиранским [8, с. 045]). Вместе с тем выявлен и лексический материал, указывающий, по всей вероятности, на его индоарийский источник (хронология филиации индоиранского состояния на индийский и иранский в последние годы существенно углублена и определяется ныне IV тыс. до н.э.).

Об индийском происхождении этого материала свидетельствует некоторый набор признаков как формального (прежде всего фонетического), так и семантического порядка. Так, среди первых следует назвать наблюдаемые в нем характерные для индийской ветви рефлексы индоевропейского вокализма (ср. гласный *a* на месте этимологических *e* и *o*, повторение общей вокалической схемы основы) и консонантизма (помимо общего с иранскими языками перехода *s* > *ʃ* в позиции после *i* ср. отражение реализации закона Грассмана, сохранение начального *s*, а также отсутствие спонантизации древних индоевропейских звонких и глухих смычных, обособляющие этот материал от его иранских аналогий).

В то же время в нескольких случаях отмеченные формальные черты материала дополняются его особой семантической близостью именно к соответствующим индоарийским формам. В плане самой общей семантической характеристики приводимого ниже лексического кадастра существенно, что его понятийное содержание охватывает концепты, соответствующие периоду освоения древними картвелами более низменных территорий в ходе снижения высотности своих мест обитания, предполагающихся первоначально в зоне горного ландшафта, ср. [9, с. 37; 6, с. 917—919]. С одной стороны, здесь встречаем лексемы, связанные уже со специфическими природными условиями речных долин Закавказья [ср. "стоять засухе", "иссушать (землю)", "песок", "галечник в русле реки"]. С другой стороны, здесь оказываются слова, имеющие более или менее ощутимую культурную окрашенность (ср., в частности, две-три основы, связанные с коневодством).

Коротко комментируемый ниже кадастр составляют всего семнадцать единиц, одна из которых — наиболее проблематичная — претендует на свою соотнесенность с общекартвельским состоянием, проецируемым скорее всего в эпоху не позднее конца III тыс. до н.э., шесть восходят к грузинско-занскому периоду, охватываемому в грубом приближении II тыс. до н.э., в то время как остальные могли проникнуть в картвельские языки и несколько позже (естественно, уже через некоторые опосредствующие звенья). Необходимо подчеркнуть, впрочем, что хронологическая атрибуция последней группы весьма условна и в основном определяется невозможностью построения для ее составляющих грузинско-занских архетипов. В нижеследующем списке мы старались исключить материал, допускающий скорее апелляцию к иранскому или единому индоиранскому источнику. Здесь тем более не относится к индоаризмам неисконный картвельский материал, выявляющий признаки соответствующей рефлексации индоевропейских архетипов, но не находящий своих прямых антецедентов в древнеиндийском.

Грузинско-занская глагольная база **bandy-* "сплетать, связывать", помимо своего вокализма, обнаруживает особую формальную близость к др.-инд. *bandh-* "связывать", характеризующемуся следами реализации закона Грассмана. Ее конечная консонантная последовательность представляет собой результат преобразования звонкого придыхательного *dh* в типичный для фонемной синтагматики картвельских языков гармонический комплекс депессивного ряда.

Реконструируемое для грузинско-занского состояния **guda-* "бурдюк, кожаная сума", обозначающее, по словам И.А. Джавахишвили, один из древнейших атрибутов материальной культуры картвелов, сопоставляется с др.-инд. *guda-* "кишки, апус" (< и.-е. **gudo-m* "кишка", другие континуанты которого стоят дальше фонетически, ср. [10, с. 64; 11]). Для объяснения расхождения слов в семантике существенно учитывать, что традиционная для Ближнего Востока практика изготовления бурдюков из кишок скота по сей день сохраняется в некоторых его регионах.

Восходящая к этому же состоянию глагольная основа **gwal-* "стоять засухе" была сопоставлена еще в начале столетия [12, с. 31] с др.-инд.

jvalati "пылает, горит в жару" (< диал. и.-е. **gual-* "пылающий уголь"). Засвидетельствованные германские и кельтские продолжения этой основы стоят дальше семантически, поскольку сохраняют ее архаическое значение, ср. [13, с. 450].

Грузинско-занская глагольная база **sxal-* : *sxl* "срывать(ся) с места, поскользнуться", лежащая в основе производного по существу той же семантики **sxl-et-* : *sxl-t-*, сопоставляется в специальной литературе [14, с. 333] с др.-инд. *skhālate* "спотыкается, шатается" (< и.-е. **skel-* "оступаться, спотыкаться"). Усматривать здесь зависимость от формально очень близкого арм. *sxalim* "ошибаться" невозможно как вследствие большего семантического отличия последнего, так и ввиду того, что картвельские арменизмы, относясь к весьма поздней эпохе (едва ли ранее VII—VI вв. до н.э.), не обуславливали наблюдаемого в этой картвельской основе аблаутного чередования¹.

Два формальных признака, указывающих на индоарийский антецедент, выявляет грузинско-занская глагольная основа **s₁uš-* "иссушать (землю); сохнуть, заживать (о ране)", сближающаяся с др.-инд. *śuṣ-* "сохнуть" (< и.-е. **sauṣ-*, *sus-*). С одной стороны, это консонант *ṣ*, отражающий свершившийся в индоиранской ветви сдвиг *s* > *ṣ* в соседстве с *и*, с другой — это начальное *s₁*, обособляющее ее от иранского продолжения основы. К сопоставлению см. [17, с. 300].

Наконец, еще одна простая грузинско-занская глагольная база **prut-* : *prtw-* "фыркать (о лошади)" является аналогом "диалектного" и.-е. **preut(h)* : *prui(h)*- той же семантики. В нарушение "ареальной нормы" соответствующих дескриптивных образований, характерных для остальных автохтонных языков Кавказа, она оказывается особенно близкой к др.-инд. *prōṭhati* "фыркает (о лошади)", в то время как германские соответствия последней стоят как фонетически, так и семантически значительно дальше, ср. [18, с. 810].

Вместе с предшествующей (и, по-видимому, со следующей) основой груз. *aśua-* "лошадка" (детское слово) может отражать особую роль индоевропейцев в распространении лошади в Закавказском регионе и подтверждать известное наблюдение о большом числе арийских заимствований, связанных с коневодством, в древних языках Передней Азии (происхождение более или менее сходных — но всегда не столь ярких — севернокавказских параллелей слова представляется неясным). Грузинская лексема особенно близка к др.-инд. *āśva-* "лошадь", что было замечено еще Ильей Чавчавадзе в его лингвистических записках [19, с. 16].

Грузинская глагольная основа *dag-* "жечь (каленным)" сближается в первую очередь с др.-инд. *dagh-* > *dah-* "жечь", восходящим к и.-е. **dheg^h-* "жечь, гореть", широко представленному в других ветвях индоевропейских языков с устойчивым вокализмом *e* [18, с. 240]. К. Боуда, предложивший это сопоставление, имел некоторое основание сказать, что грузинское заимствование должно восходить к "доиранскому" состоянию [17, с. 300].

Груз. *dro-* (> мегр. *rdo-*) "время, срок" сопоставимо с др.-инд. *ṛtú-* "время, период; порядок, правило" [17, с. 300—301], обнаруживая сужение семантики слова, относившегося к сфере сакральной лексики. Вопреки возникающему внешнему впечатлению, мегрельская форма вторична, будучи обязанной характерной для языка метатезе *r*.

Следующую параллель образуют груз. *saraṣ(a)-* "пчелиные соты" и др.-инд. *sāraghā-*, переводимое М. Майрхофером как "von der Biene stammend,

¹В арменистике существует мнение, согласно которому становление этого считающегося обычно эксклюзивным армяно-индийского соответствия также обязано заимствованию из древнеиндийского, ср. [15, с. 219; 16, с. 28]. Считают, впрочем, что само индийское слово может оказаться сравнительно поздним.

Biene" [20, с. 119] и являющееся, как отмечает Т.Я. Елизаренкова, производным от *saragh-* "пчела". Подобно некоторым другим старым культурным заимствованиям, уже почти вытесненным из сферы литературной нормы, грузинское слово представлено несколькими диалектными разновидностями — лех. *saraža-*, имер. *saraž-*, *saraça-*, нижн.-имер. *sarança-* [21, с. 493]. Хотя с ним несомненно связаны мегр. *saranž-* и сван. *saraž-* этой же семантики, весь приводимый материал, как свидетельствует его единообразный вокализм, иллюстрирует процесс распространения формы из одного картвельского языка в иные. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что, по сведениям, любезно предоставленным нам А.Л. Ониани, в нижнебалском диалекте сванского языка обозначение сот, наполненных медом, зафиксировано в виде *saräg-*. Корректность этого сопоставления получает свою поддержку в том, что вариативность консонантизма исхода картвельских слов согласуется с аналогичной вариативностью в самой древнеиндийской основе, исход которой столь же сложно взаимодействует с падежными показателями, ср. [22, с. 119—120].

Груз. *silá-* [> мегр. (*p*)*silá-*] "песок" естественно сопоставить с др.-инд. *śilā-* "скала, камень, осколки скалы" (при пали *silā-* т.ж.), не имеющим скольконибудь надежных соответствий в других ветвях индоевропейских языков [23, с. 343].

Изолированное груз. *trp-* "испытывать чувство любви" (ср. производное образование *sa-trp-o* "возлюбленная") сближается с др.-инд. *tṛpyati* "насыщается, испытывает чувство удовлетворения" (< и.-е. **terp-*, *trp-*) [14, с. 336—337]. Об особой формальной близости этой основы к индоарийскому материалу позволяет говорить аномальная с точки зрения моделей картвельского словообразования форма соответствующего масдара *trp-ial-*, обнаруживающая отмеченный вокализмом *ia* деривационный элемент, присущий только основам звукосемантической природы.

Груз. *parto-* (> мегр.) "широкий" находит, как уже неоднократно указывалось, ближайшую аналогию в принадлежащем к *Dichtersprache* др.-инд. *prthú-* т.ж., ср. [24, с. 333]. Ср. идентичную передачу конечного вокализма древнеиндийского слова в приведенном выше грузинском обозначении времени, срока². Арм. *hart* "широкий", с которым иногда сопоставляют этот адъектив, стоит от него несколько дальше (если учесть, что само армянское слово, как нередко полагают, зависит от индоиранского источника, ср. [26, с. 53], то все же не исключено, что в этом случае налицо пример заимствования, опосредованного протоармянской формой **part-*).

Изолированное груз. *pria-* "крыло, перо" при допущении метатезы в его консонантном комплексе находит ближайшую параллель в др.-инд. *patra-* той же семантики (< и.-е. **petr-*, *petero-*). Неисконность лексемы позволяет предполагать то обстоятельство, что она приходит на смену продолжению груз.-зан. **zwe-* "крыло, перо". Остальные индоевропейские когнаты древнеиндийского слова и, в частности, греч. птеров, с которым иногда сопоставляют грузинскую форму, стоят от нее дальше фонетически, ср. [18, с. 826].

Представляют интерес также два слова, сохранившиеся соответственно только в мегрельском и сванском языках. Одно из них — мегр. *reka-*, *reqa-* "галечник (в русле реки)", иногда выступающее и в топонимике, — еще в конце прошлого столетия было сопоставлено с др.-инд. *rēka* "нанос, вынос" и

² Известны по крайней мере еще два примера такого же соотношения вокализма, от учета которых в настоящее время целесообразно воздержаться. С одной стороны, это др.-груз. *pilo-* "слон" ~ скр. *pili-* т.ж., представленное в аналогичной форме и в аккадском (ср. [25, с. 296]), при совершенно неясной истории лексемы. С другой стороны, это картв. *qoqob-* "фазан" ~ др.-инд. *kukubha-* т.ж., которые могут иметь независимые ониматопозитические основания.

др.-перс. *raika* "песок, намытый рекой или морем" [27, с. 204]. Другое — сван. *ywase-*, *ywese-* "нутряное сало, шпиг" — принадлежащее к числу несомненных заимствований, отмеченных развитием типа *Verschärfung*, посредством которого преодолевается не характерное для сванского языка анлаутное губнозубное *v*. Эта изолированно стоящая в картвельском корнеслове лексема восходит к др.-инд. *vāsā*, *vasā* той же семантики, чем она и обособляется от остальных известных продолжений и.-э. **ues-* "сыреть, мокрый", имеющих иные значения, ср. [28, с. 40—41; 18, с. 1172]. Если исходить, как это иногда допускается, из древности вокализма *e* в сванском слове, то перед нами может оказаться одно из наиболее ранних индоиранских заимствований эпохи еще до передвижения *e* > *a*.

Следует, наконец, остановиться еще на одном, по всей вероятности, менее надежном параллелизме, претендующем на наибольшую хронологическую глубину. В виду имеется общекартвельская глагольная база **lag-* : *lg-* с основным значением "сажать (растения)", располагающая коннотацией "класть" в грузинском и "укреплять, прикреплять" — в сванском и образующая в форме нулевой ступени огласовки необычную для картвельского корня консонантную последовательность. База уже давно сопоставлялась с и.-е. **legh-* "класть, лежать" [14, с. 337]. Она характеризуется вокализмом, сближающим ее с ожидаемым, но, как принято считать, отсутствующим индийским продолжением последнего, что в свете семантики сванского слова заставляет вспомнить др.-инд. *lag-* "укреплять, прикреплять".

В аспекте определения вероятного центра иррадиации рассмотренного материала существенно учитывать несколько фактов лингвоареального характера. Так, с одной стороны, несколько картвельских индоаризмов повторяются и в армянском языке, обнаруживающем в своей истории отчетливый восточный вектор распространения (наиболее ранний слой армянских картвелизмов составляют заимствования из мегрельско-лазского источника, с которым в настоящее время армянский не соприкасается). С другой стороны, часть нашего материала в самой картвельской языковой области характеризуется западным центром тяготения [ср. *reka-*, *saraž(a)-*, *ywase-*]. И, наверное, особенно существенно отсутствие каких-либо его параллелей в дагестанских языках за возможным исключением в виде широко распространенного по всему региону древней Передней Азии обозначения лошади (ср. в последней связи, может быть, несколько категоричное, но в принципе справедливое утверждение В. Шульце, согласно которому мы не располагаем какими-либо ареальными или историческими свидетельствами о контактах санскрита с восточнокавказскими языками [29, с. 232]). Означенная ареальная дистрибуция наших фактов довольно определенно указывает на их диффузию в Закавказье откуда-то с юга.

Конечно, в каких-то случаях не исключается и северокавказский — синдский — их источник (синды северо-западного Кавказа неоднократно упоминаются в средневековых грузинских хрониках³). В частности, если аффриката в картвельском *saraž(a)-* "пчелиные соты" восходят не к *q* или *t*, а к чередующемуся с ними в древнеиндийской основе *gh*, то вероятен именно его синдский источник, поскольку аффрикатизация заднеязычных смычных характерна главным образом для сванского языка. Однако в целом с подобной возможностью плохо согласуется минимум индоаризмов, усматриваемых в сванском, занимавшем некогда всю северо-западную полосу картвельской языковой области, а также отсутствие соответствующих промежуточных звеньев, которые ожидалось бы в этом случае в

³ Заметим, что степень знакомства индоарийцев с Кавказом отражена, по-видимому, в самом названии региона, которое, согласно господствующей в науке традиции, этимологизируется на древнеиндийской почве [30, с. 105—107].

абхазско-абазинских диалектах (из приводимого выше материала в абхазском повторяется только обозначение пчелиных сот, явно зависимое от мегрельской формы слова).

Сопоставление картвельских и армянских индоаризмов выявляет между ними заметные качественные различия. Так, представляется существенным, что приведенные факты в своем большинстве отсутствуют в армянском, что может служить некоторым указанием на незаисимость их усвоения от армянского посредства (не приходится, конечно, отрицать наличия в картвельских языках и индоаризмов, позднее распространявшихся *via Armenia* и поэтому не учитываемых в нашем материале⁴). Вместе с тем, если в армянском эта категория лексем восходит к элементам поэтической — прежде всего сакральной — по своему характеру лексики, то в картвельских языках она, по-видимому, изначально составляет достояние нейтральных пластов словаря. В свете подобных различий естественно предположить, что и сами социальные предпосылки (а по всей вероятности, и хронологические рамки) соответствующих контактов должны были существенно различаться.

Следует иметь в виду, что приведенный выше материал отражает лишь начальный этап систематизации фонда древнейших картвельских индоевропеизмов. Воздерживаясь от сколько-нибудь категорических формулировок, можно сказать, что он не противоречит встречающимся в литературе высказываниям о вероятном индоарийском вкладе в картвельский словарь. Возможность его хронологического соотнесения как с грузинско-занским состоянием, так и с последовавшей эпохой поддерживает основанную на других лингвистических и археологических фактах (ср., в частности, находки в Закавказье колесниц [31]) точку зрения, согласно которой пребывание ариев в Передней Азии — в регионе где-то к югу от картвельской языковой области — являлось не относительно кратковременным эпизодом, как это иногда представлялось в прошлом, а скорее характеризовалось более или менее длительным периодом их проживания бок о бок с другими местными этносами. В прошлом высказывалось даже предположение о том, что редукция пятичленной системы индоевропейского вокализма в трехчленную в арийском обязана многовековому воздействию со стороны местного семитского субстрата [32, с. 16—17].

Естественно думать, что если на некотором более раннем этапе истории региона — в частности, в первой половине II тыс. до н.э. — картвельско-индоарийские языковые контакты могли быть непосредственными, то на более позднем этапе индоаризмы должны были здесь заимствоваться лишь через некоторое посредство. Если оставить в стороне лексемы, которые, подобно груз. *arçiv-*, распространялись, начиная с последних веков до н.э., через армянский, то для более ранней эпохи наиболее вероятным опосредствующим звеном между этими языками должны были служить хурритско-урартские (сохранившиеся, как полагают, в отдельных районах Закавказского нагорья по крайней мере до VI—V вв. до н.э., а возможно, и позднее), подобно тому как некоторые индоаризмы проникали в хеттский и другие языки древней Передней Азии. И здесь наша проблема упирается в фактическую неизученность вопроса о хурритско-урартском вкладе в картвельский словарь, в плане рассмотрения которого имеются лишь разрозненные высказывания, оперирующие минимумом лингвистического материала, встречающиеся главным образом в работах Г.А. Меликишвили. В этих условиях тем более неподготовленной оказывается почва для серьезного обсуждения

⁴ Примером подобных лексем может служить активно обсуждавшееся в индоевропеистике обозначение орла, отразившееся в груз. и мегр. *arçiv-* "орел". Это совпадающее с армянским слово утверждается в письменных памятниках весьма поздно, приходя на смену форме *orb-*, решительно господствующей в грузинском переводе Библии, относящемся к V в. н.э.

противоречивых гипотез о направлениях миграций индоарийских племен через Кавказ [33, с. 222].

В заключение необходимо подчеркнуть, что несмотря на безусловную актуальность разработки проблемы кавказской и переднеазиатской ареальной лингвистики, неоднократно отмечавшуюся в специальной литературе (ср. [8, с. 049]), данные таких современных языков, как картельские и армянский, все еще не вовлечены в должной мере в соответствующее исследование. Между тем введение в обиход науки материала этих едва ли ни единственных сохранившихся до наших дней представителей древнего лингвистического ландшафта Передней Азии способно внести существенный вклад в решение вопросов истории региона как в собственно лингвистическом, так и историко-культурном плане. На роль еще одного подобного источника в пределах Кавказа мог бы в какой-то степени претендовать и наиболее южный ингредиент лезгинской группы нахско-дагестанских языков — удинский, во многом разделявший в прошлом исторические судьбы двух других выдающихся языков древнего Закавказья. Так, если оставить в стороне не имеющее отношения к рассматриваемой проблематике удинское обозначение лошади *ək* (характеризующееся фарингализованным гласным в анлауте, а также формой мн. числа *ək-urix*), заинтриговавшее в свое время А. Неринга [34, с. 107—108], то фактом, возможно, имеющим прямое отношение к нашей теме, может оказаться удин. *bixaž-ux* "бог" (образование типа *pluralia tantum*, собственно — "боги, пантеон"), допускающее сопоставление с индоевропейским материалом. Попытки его истолкования на лезгинской почве наталкиваются на трудности⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mayrhofer M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.
2. Mayrhofer M. Die Arier im Vorderen Orient. — Ein Mythos? Mit einem bibliographischen Supplement. Wien, 1974.
3. Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.
4. Капанян Г.А. К происхождению армянского языка. Ереван, 1946.
5. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I—II. Тбилиси, 1984.
7. Khachaturova E.G. On some armeno-kartvelian etymologies // Second international symposium of Armenian linguistics. Erevan, 1987.
8. Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картельских языках // Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картельских языках. Тбилиси, 1965.
9. Климов Г.А. Этимологический словарь картельских языков. М., 1964.
10. Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.
11. Климов Г.А. Еще одна индоевропейско-семитско-картельская параллель // Этимология, 1982. М., 1985.
12. Джанашивили М. Картельский язык и славяно-русский. Точки соприкосновения между этими языками // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Отд. 4. Тифлис, 1902.
13. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Lf. 7. Heidelberg, 1956.
14. Vogt H. Armenien et Caucasicque du Sud // NTS. 1938. Bd. IX.
15. Джаукян Г.Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
16. Хачатурова Е.Г. Древнейшие армяно-индийские языковые контакты: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ереван, 1975.
17. Bouda K. Beiträge zur etymologischen Erforschung des Georgischen // Lingua. 1950. V. II. № 3.
18. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern, 1959.

⁵ Автор глубоко признателен Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топорову, ознакомившимся со статьей в рукописи и высказавшим ему ряд ценных замечаний.

19. Глonti А.А. Вопросы общего и грузинского языкознания в художественно-философском наследии И.Г. Чавчавадзе (К 150-летию со дня рождения) // ИАН СЛЯ. 1988. № 2.
20. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lf. 23. Heidelberg, 1972.
21. Глonti А.А. Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
22. Pisani V. Die Deklination von ai. *sardāgh-* "Biene" // Z. für vergleichende Sprachforschung. 1938. Bd. 65. Hf. 1/2.
23. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lf. 22. Heidelberg, 1970.
24. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lf. 13. Heidelberg, 1957.
25. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lf. 12. Heidelberg, 1957.
26. Ачарян Гр. Этимологический корневой словарь армянского языка. Т. III. Ереван, 1977. (на арм. яз.).
27. Müller Fr. Kleine Mitteilungen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1897. Bd XIV.
28. Charpentier J. Zur arischen Wortkunde // Z. für vergleichende Sprachforschung. 1914. Bd 46.
29. Schulze-Fürhoff W. How can class markers petrify? Towards a functional diachrony of morphological subsystems in the East Caucasian languages // The Non-Slavic languages of the USSR. Linguistic studies. N.S. Chicago, 1992.
30. Трубачев О.Н. Indoiranica. Этимологии // Этимология, 1981. М., 1983.
31. Piggot St. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence // Proc. of the Prehistoric Society. N.S. 1968. 34.
32. Szemerényi O. Structuralism and substratum — Indo-Europeans and Aryans in the Ancient Near East // Lingua. 1964. V. 13. № 1.
33. Charachidzé G. // Revue des Études géorgiennes et caucasiennes. 1986. № 2. Rec: Gamqrelize / Ivanov. Les Indo-Europeens et le Caucase.
34. Nehring A. Studien zur indogermanischen Kultur und Heimat // WBKL. 1936. 4.